

В ПОИСКАХ НЕСУЩЕСТВУЮЩЕЙ НАУКИ (Диссидентство как историческая проблема)

Не менее четверти века не утихают — и в России, и на Западе — споры: каким образом во второй половине 1960-х годов, когда самый старый и самый мощный тоталитарный режим на планете находился в зените своего видимого могущества, в стране нашлись люди, бросившие открытый вызов этой силе? Были ли у этих людей предшественники? Нашлись ли у них сторонники среди внешне лояльной основной массы населения СССР? Что ими двигало, чего они хотели для страны? Кто были эти люди, кого они представляли, сколько их, в конце концов, было? Что такое диссидентское движение: новая политическая оппозиция? бунт индивидуальности против официоза? сплоченная когорта единомышленников, посвятивших себя защите прав человека?

Что самое интересное, такие же дискуссии были типичными и внутри самой диссидентской среды. Причем там зачастую речь шла даже не о концепции диссидентства, а о самых что ни на есть существенных вопросах: диссиденты ли мы? И существует ли вообще "диссидентство" как таковое? Авторы настоящей статьи не раз присутствовали при подобных спорах и сами принимали в них участие.

Эпоха перестройки и постперестройки, в которой не нашлось (как нам кажется) места "классическому" диссидентскому движению, парадоксальным образом не только не сняла актуальность проблемы в общественном сознании, но и прибавила к старым вопросам новые. Приблизил ли деятельность диссидентов начало реформ и если да, то в чем именно? Насколько ход событий в 1987 — 1991 гг. соответствовал чаяниям правозащитников 1960-х — 1980-х годов? Как оценить роль бывших активистов диссидентского движения в современной политической и общественной жизни государств, образовавших-

ся на развалинах Империи? Дело осложняется тем, что отношение общества к диссидентам формировалось — и продолжает формироваться — по мифотворческой модели. При старом режиме это был казенный миф о "внутреннем враге", об "агентах ЦРУ", о "зловых клеветниках, пытающихся опорочить наши достижения". Насколько официальная пропаганда сумела внедрить этот образ в массовое сознание — вопрос открытый. В период перестройки те же самые мифологемы быстро редуцировались до "опасных экстремистов" (этот вариант еще раньше присутствовал в сознании многих либеральных журналистов и литераторов — свидетельством тому ряд публикаций, а также художественная литература, например роман Н. Шмелева "Пашков дом"), а затем обратились в свою противоположность. Возник контрмиф, который условно можно обозначить так: "А.Д. Сахаров и его верные соратники — стойкие борцы за дело антикоммунизма". Надо сказать, что уровень самоосмысления в поздней диссидентской среде (конец 70-х — 80-е годы) вполне мог продуцировать и такие формулы.

Отношение к диссидентству как правящей элиты, так и общественного мнения западных стран было в основном благожелательным (по крайней мере, поначалу; позднее, с появлением "третьей волны" советской эмиграции, оно стало менее однозначным). Более того, реальную помощь Запада — от моральной, а иногда и материальной поддержки до тиражирования диссидентских точек зрения средствами радиовещания на многомиллионную советскую аудиторию — невозможно переоценить. Тем удивительнее, что профессиональные советологи проявили к этому движению весьма умеренный интерес. Действительно, вряд ли мы намного ошибемся, если скажем, что из всей огромной массы советологической литературы, изданной на Западе, диссидентской тематике посвящено не более нескольких десятков наименований. Создается впечатление, что феномен диссидентства просто не вписывался ни в "классические", ни в "ревизионистские" советологические концепции. Кроме того, созданию объективной картины

мешали политические эмоции, связанные с противостоянием "Восток-Запад": диссидентов представляли себе как безусловных "западников" внутри враждебного "восточного" окружения (что далеко не так), и поэтому любое оценочное суждение воспринималось как признак политической ангажированности.

В последние годы в нескольких исследовательских центрах России предприняты попытки организовать изучение истории диссидентства и собрать соответствующие коллекции документов. Так, "Народный архив" приобрел целый ряд личных архивов известных активистов диссидентского движения. Институт гуманитарно-политических исследований провел сбор устных интервью у деятелей неофициальных общественных и культурных движений в Одессе. В "Мемориале" уже два года развивается исследовательская программа по истории диссидентства, в процессе работы которой также была собрана значительная коллекция архивных материалов по данной теме (по нашим представлениям — крупнейшая в стране).

В рамках этой программы "Мемориала" 24-26 августа 1992 г. в Москве состоялась международная научная конференция на тему: "Диссидентское движение в СССР. Предмет исследования, источники, методика изучения". Дальнейшее содержание данной статьи в большей степени навеяно впечатлениями от этой конференции*.

* * *

Как доклады, так и дискуссии на конференции сосредоточились, в основном, вокруг вопросов, поставленных в начале нашей статьи. Можно сказать, что речь шла о параметрах диссидентства как социального, политического и исторического явления. При этом сразу же выявилось удивительное несовпадение мнений выступавших в оценке буквально всех этих параметров. Останемся на этом подробнее, имея в виду весь спектр мнений,

*Сборник материалов конференции готовится к публикации.

ний, в том числе и те точки зрения, которые на конференции не нашли своего выражения.

1. *Временные рамки диссидентства.* Что касается возникновения диссидентства как явления, то это событие обычно датируют 1965 годом — первыми выступлениями в защиту арестованных писателей А. Синявского и Ю. Даниэля. Однако нам приходится слышать и иные оценки: 1964 г. (дело И. Бродского), 1968 г. (первые сравнительно массовые петиционные кампании, начало выхода "Хроники текущих событий", "пражская весна") и даже 1969-1970 гг. (первые правозащитные организации). На самой конференции ряд выступавших, наоборот, явно или неявно, передвигал нижнюю границу в 1956 г. (В. Воронков, А. Рогинский, В. Долинин, Л. Лурье) или даже ко второй половине 1940-х годов (оба автора этих строк).

Немаловажный вопрос о верхней временной границе также вызвал определенные споры. Кажется, все или почти все согласны с тем, что в настоящее время в России не существует диссидентского движения. Однако когда именно исчезло из нашей жизни диссидентство как явление? Называют разные даты: прекращение издания "Хроники" (1983 г.); приход к власти Горбачева (1985 г.); резкое сокращение политических арестов (1986 г.); провозглашение реформ, первое массовое освобождение узников совести, начало "неформального" этапа общественной активности (1987 г.) и т.д., вплоть до августовской революции 1991 г. Нам кажется, что размазанность оценок этой даты, по крайней мере по периоду 1987-1991 гг., связана не столько с какими-то реальными процессами внутри диссидентства, сколько с мнением высказывающегося об исторических событиях этого периода и об их соответствии целям, которые диссиденты перед собой ставили.

2. *Формы диссидентской активности и социальная тематика.* На этот счет также существует несколько точек зрения.

Первая: речь может идти только о специфических актах протеста, связанных, как правило, с так называемой правозащитной проблематикой: петиции властям, "открытые письма", предающие гласности факты нарушения прав

человека в СССР; создание правозащитных организаций; участие в сборе и обработке информации о положении в области прав человека; правовое просветительство; демонстрации протеста. Сторонники этой позиции обычно включают в рамки диссидентства также и конкретную поддержку лиц, пострадавших от нарушений прав человека, например деятельность Фонда помощи заключенным и их семьям. В этом случае приходится говорить уже не о самостоятельном акте протеста, а о систематической работе, имеющей вполне определенные общественные, хотя и не политические, мотивы и цели. Данное замечание отчасти относится и к правовому просвещению, и к информационной, в том числе самиздатской деятельности.

На конференции наиболее последовательным сторонником этого взгляда на диссидентское движение оказался М. Корти, в выступлении которого был практически поставлен знак равенства между "диссидентами" и "правозащитниками".

Вторая: любая деятельность, соответствующая определенным принципам; гласность, ненасилие, апелляция к праву. Мотивация и внешняя направленность этой деятельности могут быть самыми разнообразными: от распространения учения Кришны до свободы эмиграции для советских евреев или независимости Украины. В этом смысле диссидентским актом можно считать, например, деятельность таких групп как СМОТ, "Выборы-79" или "За установление доверия между Востоком и Западом". К этой же категории относятся митинги у памятника Шевченко или в Бабьем Яре в Киеве. Речь, в сущности, идет об участии в разнонаправленных общественных, политических, национальных, религиозных движениях людей, придерживающихся принципов защиты прав человека. Поэтому формы диссидентской активности здесь те же, что и в первом случае, однако защита прав человека оказывается не единственным и даже не главным объектом деятельности. Права человека в этой модели — скорее инструмент для защиты "своего" движения, нежели самостоятельная ценность. Видимо, именно такой точки

зрения на структуру диссидентства придерживается историк диссидентского движения Л. Алексеева в своей капитальной работе "История инакомыслия в СССР. Новейший период". (Заметим, впрочем, что Алексеева пользуется иным термином — "инакомыслящие".)

Третья: любой осознанный поступок, оппозиционный режиму и нарушающий определенные (достаточно, впрочем, варьируемые в зависимости от места, времени и обстоятельств) "принятые" границы социального поведения. Критерием здесь является возможное наличие репрессивной (в самом широком смысле этого слова) реакции власти. На конференции эта точка зрения была наиболее четко выражена в докладе Л. Лурье и довольно активно поддержана многими участниками дискуссий. По существу, из близких посылок исходили и концепции, высказанные В. Воронковым, В. Иофе и некоторыми другими. К понимаемому таким образом диссидентскому движению следует отнести и многочисленные подпольные кружки и группы, и послевоенную партизанскую войну в Прибалтике и на Западной Украине, и восстание на военном корабле Балтфлота под руководством В. Саблина в 1975 г., и лагерные бунты конца 1940-х — начала 1950-х годов. С другой стороны, диссидентством является любой акт в сфере культуры, искусства, литературы, индивидуальной жизни, влекущий (или могущий повлечь) за собой репрессии. Вероятно, именно в этом смысле данный термин был использован А. Синявским в его статье "Диссидентство как личный опыт". Понятно, что такой взгляд на диссидентство ставит знак равенства между ним и российским Сопротивлением в целом, одновременно лишая его определяющих признаков общественного движения. Сюда же, вероятно, относится и тайная помощь диссидентам со стороны тех социальных групп, из которых они вышли и внутри которых вращались. Вся самиздатская деятельность — изготовление, размножение, распространение, отчасти даже чтение самиздата — также является актом Сопротивления, т.е. диссидентским актом.

Четвертая: диссидентством является любое скрытое или явное противодействие тоталитаризму во всех сферах,

независимо от того, влечет ли оно за собой репрессии, или нет. Таким образом, к диссидентской активности относится, в сущности, любое проявление общественной жизни, так как тоталитарный строй отрицает в принципе общественную жизнь. В диссидентство включается при этом огромное количество явлений: от слетов Клуба самодеятельной песни (КСП) до социально отклоняющихся типов поведения. Между прочим, третья и четвертая позиции на поверку оказываются довольно близкими, если не совпадающими: в архивах КГБ и КПСС хранится множество материалов, свидетельствующих о пристальном внимании этих организаций в конце 1950-х годов к так называемым стилям, а в середине 1970-х годов — к КСП. Можно предполагать, что сторонники этой четвертой точки зрения склонны относить к диссидентским проявлениям и общественную активность в рамках официальных структур: например, пробивание в печать "вольных" публикаций.

3. Соответственно, кардинально расходятся и представления о целях диссидентского движения (за неимением лучшего будем пока пользоваться этим термином). При этом, как в самиздатской полемике рубежа 1960-х — 1970-х годов, так и в современных оценках часто встречается одна и та же подмена: вместо реальных целей ведется речь о желательных (с точки зрения говорящего), и при несовпадении делается вывод о несостоятельности движения. Разброс мнений и здесь необычайно велик: от декларативного отказа от каких бы то ни было внешних целей и сведения диссидентства к экзистенциальным актам протеста в порядке самореализации личности до свержения существующего строя и замены его новым, более достойным. В спектре предлагаемых целей присутствуют и облегчение участи преследуемых, и правовое просвещение, и движение общества к модернизации. В других измерениях целями считаются борьба за политические права, за свободу культуры, за право наций на самоопределение и т.п. Все эти соображения были как бы интегрированы на конференции во вступительном слове С. Ковалева, который заявил, что исторической задачей

диссидентского движения было целеполагание вообще. Селекцию же выдвинутых диссидентами целей и разработку механизмов их реализации призвана осуществить, по мнению Ковалева, современная эпоха.

4. С предыдущей проблемой связан вопрос о соотношении права и политики в деятельности диссидентов*. Здесь взгляды колеблются от категорического отрицания политических мотивов в поступках правозащитников до настойчивых заверений в том, что идея прав человека была лишь инструментом для оппозиционной политической работы. Близкий к этому вопрос о лояльном или нелояльном отношении к власти осложняется как представлением о третьей возможности — лояльной политической оппозиции, так и эмоциональными оценками. Последние за короткое время поменяли свой знак в общественном сознании, и теперь стало модным упрекать диссидентов за их чрезмерную лояльность по отношению к старому режиму.

5. Можно ли говорить об "идеологии" диссидентского движения? Интуитивно понятно, что, как бы ни определять предмет нашего рассмотрения, в его границах уживались монархисты и коммунисты, либералы и сторонники авторитарного пути, западники и славянофилы. Часто говорят о специфической "идеологии прав человека", выработанной диссидентами. Вероятно, действительно, можно говорить о некоем конвенциональном принятии общих ценностей, важное место среди которых занимают права человека, на определенном историческом этапе развития диссидентского мировосприятия. Но ведь возможны и другие конвенции: антикоммунизм, в конце концов, есть тоже не что иное, как соглашение между разными идеологиями. Существуют и сторонники такой точки зрения на "идеологию" диссидентов. Кроме того, возможно, что движение было деидеологизировано с самого начала (или с определенного этапа — это зависит от

* Об этом см. также Л. Богораз, В. Голицын, С. Ковалев. Политическая борьба или защита прав? Двадцатилетний опыт независимого общественного движения. В сб. "Погружение в трясину". М., 1991 г.

точки отсчета). Весьма правдоподобное предположение, учитывая стойкое отвращение к любой идеологии, выработавшееся в советском менталитете самое позднее к середине 1960-х годов.

6. Оценки количества людей, вовлеченных в диссидентское движение, отличаются друг от друга на несколько порядков. Вспомним, что в массовом сознании диссиденты — это "Сахаров и его соратники"; речь идет, стало быть, о нескольких десятках, самое большее — сотнях человек.

С другой стороны, А. Рогинский и Н. Охотин в своем докладе, основанном на выборочном ознакомлении с архивами КПСС и КГБ, оценивали общее количество репрессированных по политическим мотивам в период с 1957 по 1986 г. цифрой от 8 до 20 тыс. человек. Более точная оценка в пределах этого интервала зависит опять-таки от критериев — включать ли в общее число только осужденных за "антисоветскую агитацию" и "клеветнические измышления" или и другие категории политзаключенных.

Еще более значима для нас прозвучавшая в выступлении Рогинского оценка количества лиц, подвергшихся "профилактике", т.е. тех людей, по отношению к которым КГБ предпринимал превентивные меры воздействия, не прибегая к уголовным репрессиям. Таковых, по данным докладчика, насчитывалось около 500 тысяч (за тот же период).

Если же учесть массовые движения, в которые почти целиком включались некоторые национальные (крымские татары, турки-месхетинцы) и конфессиональные (баптисты-"инициативники", пятидесятники, значительная часть адвентистов седьмого дня) группы, то и эта цифра не окончательная.

Во всяком случае, если исходить из критериев самой госбезопасности, ее непосредственного внимания заслужило не менее полумиллиона граждан СССР. Можно еще добавить к этому "бытовых диссидентов", т.е. людей, втянутых в конфликт с местной властью, — такой конфликт очень часто перерастал в столкновение с режимом в целом. Что касается людей, оказывающих сопротив-

ление не тоталитаризму как таковому, а тем или иным требованиям, предъявляемым тоталитарным строем к повседневной жизни, то окажется, что в противоборстве с властью находилась довольно значительная часть населения Советского Союза: от сотрудников либеральных или, наоборот, почвеннических журналов до, по выражению В. Сокирко, "экономических диссидентов" (т.е. лиц, осужденных за нерегламентированную хозяйственно-экономическую деятельность).

К этому же пункту примыкает и вопрос о социальном составе диссидентского движения. Так, в выступлении М. Корти на конференции прозвучало мнение об элитарном характере диссидентства. Аналогичные суждения были высказаны и в докладе Д. Байрау, который считает социальной базой движения гуманитарную интеллигенцию и работников академических учреждений. В докладе В. Воронкова, проводившего социологические исследования на выборке, состоящей из бывших политзаключенных, социальный состав представлен более разнородными элементами, однако относительное преобладание лиц с законченным или незаконченным высшим образованием отмечается и им. Пожалуй, это единственная характеристика, в отношении которой не возникает качественно различных оценок: социальной базой движения единодушно признается интеллигенция. Остается открытым вопрос о том, почему другие слои населения менее охотно рекрутировались в диссиденты. Списать данное обстоятельство на конформизм этих слоев вряд ли возможно: это убедительно показали шахтерские забастовки 1989 г.

Вопрос может быть поставлен и более мягко — каково было влияние диссидентов на основную массу населения? Какую роль в формировании оппозиционных настроений в стране играла "диссидентская пропаганда" (хотя бы опосредовано, через зарубежное радиовещание)? Ответ на этот вопрос можно получить, вероятно, только с помощью специальных социологических исследований. Насколько нам известно, подобных исследований не существует (если не считать социологического опроса на тему

"Образ А.Д.Сахарова в массовом сознании", проведенного Всесоюзным центром изучения общественного мнения в 1991 г.). Одним из авторов данной статьи была, впрочем, высказана гипотеза о том, что вымирание "классического" диссидентства в первой половине 1980-х годов было связано не столько с репрессиями, сколько с распространением диссидентского мироощущения на значительную часть населения страны. Диссидентские прописи утратили общественную значимость, потому что стали банальностью. А когда процесс этот захватил и властные структуры — началась эпоха реформ.

* * *

Итак, мнения о существенных характеристиках диссидентского движения расходятся кардинально. Понятно, что на самом деле речь идет не о разнице оценок, а о разных способах определения предмета изучения. Недаром на конференции в Москве господствовал грандиозный разнобой в терминологии. На равных правах употреблялись термины: "диссиденты", "правозащитники", "инакомыслящие", "нонконформисты". Даже мелькнул полузабытый с начала 1970-х годов оборот "демдвижение" (в выступлении В. Игрунова).

Вспомним, что проблема самоназвания всегда была достаточно болезненна для участников движения. Необходимость как-то называться, возникшая вместе с чувством обретения социальной среды (по нашим представлениям, это произошло в результате петиционной кампании 1968 г.) вступила в противоречие с мироощущением людей, чья общественная активность была прежде всего следствием обостренного чувства личной ответственности и протестом против официально предписанного сверху стадного коллективизма. Снять противоречие могла только ирония. Так возник полуигровой термин "подписанты" (ср. такой же полуигровой термин "самиздат", пущенный в оборот московским поэтом Н. Глазковым в 1940-е годы).

Позже, в 1969-1972 гг., всерьез обсуждалось назва-

ние "демократическое движение" ("демдвижение" и даже "демдвиж"). Однако оно слишком явно отдавало политической и партийностью (несколько самиздатских документов того времени подписано "Демократическое Движение Советского Союза" — ДДСС, что неизбежно вызывало аналогию с КПСС), а эпитет "демократическое" — к тому же и идеологией. Название тихо умерло, чтобы воскреснуть опять в новых исторических условиях в 1989 г.

Примерно в тот же период возникает термин "правозащитники", вероятно, наиболее точно отражающий суть деятельности некоторого, достаточно узкого круга лиц, тесно связанных между собой и сосредоточенных, в основном, в Москве и нескольких других крупных городах. Определенная узость данного самоназвания не позволяла применять его к более широкому спектру явлений. Бытовавшее же ранее слово "инакомыслящий", наоборот, воспринималось как что-то чересчур расплывчатое, недостаточное, чтобы выделить "своих". Необходимо было найти нечто среднее, промежуточное. Термин "диссидент", пущенный в ход англоязычными журналистами в начале 1970-х годов, взял на себя эту функцию. Характерно, что попытки как-то перевести его на русский язык отсутствуют — нейтральная семантика, не дающая возможности толкования, оказалась кстати.

Итак, до наших дней дожили три слова, обозначающие различные, но взаимосвязанные и пересекающиеся явления: правозащита, диссидентство, инакомыслие. Мы полагаем, что имеет смысл сохранить сложившуюся терминологию, и попытаемся снабдить эти термины работающими определениями. Быть может, таким образом мы сумеем устранить или свести к минимуму неопределенность характеристик объекта изучения, о которой шла речь выше.

Предварительно сделаем одно замечание. Невозможно понять рассматриваемое явление, исключив его из социально-исторического контекста. Однако в нашем случае мы имеем дело с историческим и общественным процессом, границы которого весьма размыты. Поэтому любые теоретически мыслимые критерии, предлагаемые

для разграничения понятий, не могут удовлетворить нашу интуицию. Если принятое определение дает четкий конструктивный критерий, позволяющий дифференцировать события, тексты и персоналии, так сказать, автоматически, то полученный результат неизбежно будет рассекал живую ткань жизни по формально проведенной границе. Приблизительные критерии, в свою очередь, неконструктивны.

Поясним сказанное. Среди предлагавшихся на дифференции определений одно представляется наиболее рациональным. Л. Лурье в своем докладе предложил считать диссидентом человека, чье имя встречается в материалах Комитета государственной безопасности — в качестве объекта наблюдения, завершившегося любой формой профилактики или репрессии. (Разумеется, речь идет не об агентах иностранных разведок, а о людях, которых госбезопасность сочла носителями "антисоветских" или "идейно вредных" взглядов.) Иными словами, диссидентом предложено считать того, кого считали таковыми наши предшественники по исследованиям в области диссидентства — сотрудники госбезопасности. Предложение, на первый взгляд, разумное и имеет под собой серьезную научную традицию: близкими принципами отбора руководствовались в 1920-1930-е годы составители классического многотомного био-библиографического словаря "Деятели революционного движения в России".

Тем не менее, определение, предложенное Лурье, на наш взгляд, не свободно от определенных недостатков. Во-первых, оно исключает из рассмотрения значительные категории лиц, которые по тем или иным причинам не попали в поле зрения органов госбезопасности. Исходя из своего личного опыта и опыта своих друзей, мы осмеливаемся предположить, что на каждого диссидента, попавшего в сферу влияния КГБ, приходится не менее трех-пяти лиц, занимавшихся той же самой деятельностью, но не "засветившихся". Конечно, если говорить только об открытой общественной активности, то это возражение автоматически снимается. Но принцип от-

крытости, до сих пор считавшийся внутренним свойством диссидентского движения (или какой-то его компоненты — это опять-таки зависит от подхода), в этом случае играет странную роль следствия из некоего формального признака отбора, причем признака достаточного, но не необходимого. Короче говоря, нам трудно согласиться с определением вроде: «Диссиденты — это все те, кто действовал открыто, плюс "засветившиеся подпольщики"».

Во-вторых, совершенно неясно, почему неизвестные нам критерии, согласно которым КГБ отбирал объекты своего интереса, априорно лучше любых других. Мы подозреваем, что в своем выборе сотрудники этой организации руководствовались не принципами системного анализа, а собственной интуицией и ориентировками, спускаемыми сверху, где сидели тоже не такие уж выдающиеся политологи.

Иначе сказать, предложенный критерий не устраивает нас в первую очередь потому, что он не сопряжен явлению, границы которого мы стремимся определить. И так ли обязательно нам повторять ошибку ранних декабристов, строивших свои изыскания, основываясь на «Алфавите» Верховной следственной комиссии?

* * *

Мы намерены предложить иной подход, основанный на обработке эмпирического материала, содержащегося в документах диссидентского движения. Сам подход также сугубо эмпирический и сводится не к словесной формулировке, а к некому алгоритму, выполнение которого на достаточно обширном круге источников дает возможность, в случае удачи, оценить корреляцию между некоторыми параметрами изучаемых событий и тем самым выявить внутреннюю структуру предмета исследования. Работа в этом направлении (по архивным и библиографическим источникам) ведется сейчас в "Мемориале".

Модель, положенная в основу нашего подхода к проблеме, в первом приближении выглядит следующим

образом. Неофициальная общественная активность тех или иных людей — это, прежде всего, реакция личности на ту или иную общественную проблему (быть может, трансформировавшуюся в биографии участника событий в индивидуальный мотив). Описание спектра проблем, встававших перед обществом в определенные разные периоды — не такая уж громоздкая задача. Мы полагаем также, что нет особых сложностей в соотнесении поступка с той проблемой (социальной тематикой, сферой общественной активности), на которую этот поступок (акт общественной активности) направлен.

При этом формы, которые принимает общественная активность, будучи в момент своего зарождения результатом индивидуального творчества, становятся общественным достоянием и при этом неизбежно деиндивидуализируются, быстро превращаясь в стандартный инструментарий. Как ни печально, но именно стандартизованные формы индивидуальной активности позволяют рассматривать общественное явление как социальную и историческую проблему*.

Наша гипотеза состоит в том, что разобраться во внутренней структуре "движения" можно, изучая связи между определенными формами проявления общественной активности и типами социальных проблем, на которые эта активность направлена. Естественно, картина будет меняться с течением времени как для общества в целом, так и для любого из участников событий. Естественно также, что этим способом можно выявить лишь самые общие закономерности, без учета многочисленных индивидуальных отклонений. Тем не менее, позволим себе некоторую вольность и попробуем сделать несколько коротких предположений о результатах такой работы —

* В сущности дело идет о разработке двух предметно-тематических рубрикаторов: "Социальные тематики" и "Формы общественной активности". Здесь уместно поблагодарить Г.Г.Суперфина (радио "Свобода", Мюнхен), который взял на себя труд просмотреть проекты таких рубрикаторов, разработанные в "Мемориале", и любезно предоставил нам возможность ознакомиться со своими замечаниями. Они, несомненно, будут учтены в нашей дальнейшей работе.

на основе интуиции, личного опыта и знакомства с документами.

1. Как нам кажется, среди множества событий выделится компактная группа связанных со специфически "правозащитными" формами общественной активности. Правозащитная активность будет в основном ограничена временными рамками с середины 60-х по начало 80-х годов, достигая своего пика в 1977-1979 гг. В начале этого периода она будет направлена, в основном, на социальные тематики, связанные с осуществлением свободы слова, свободы творчества и т.п. — то есть, на литературные, художественные, научные проблемы. Затем, начиная с 1968-1972 гг., тематика правозащитной деятельности будет расширяться, охватывая в первую очередь религиозную и национальную сферы. Тогда же, в начале 1970-х годов, правозащитная деятельность включит в себя тему эмиграции, которая к середине десятилетия займет значительное место в спектре правозащиты. Что касается персоналий, то в этот период выделится группа людей, протестующих против нарушения прав человека, независимо от социальной сферы, в которой они происходят. Вряд ли в этой группе будет насчитываться больше чем несколько сот человек. В основном это будут представители столичной интеллигенции, но не элиты.

Этих людей естественно называть *правозащитниками*, а совокупные проявления их общественной активности — *правозащитным движением* (в узком смысле этого слова).

2. Ряду социальных тематик (например, религиозные, национальные проблемы, проблема выезда из СССР и т.п.) будут соответствовать группы лиц, проявляющие постоянную активность правозащитного типа в какой-то одной или нескольких из этих областей. Деятельность таких групп приходится, в основном, на 1970-е годы, численность их может быть различной — от нескольких сот до десятков тысяч человек. Более подробный анализ текстов, вероятно, покажет, что большинство этих групп имеет все или многие признаки общественных движений: определенные идеологические и программные установки,

неформальных лидеров, преемственность состава и т.д. Общим для всех них свойством является лишь "правозащитная" методика борьбы.

Перечислим некоторые типы таких движений и групп:

а) национальные, национально-религиозные и национально-культурные движения;

б) движения отдельных народов и этнических групп, направленные на решение "частных" задач (например, крымско-татарское, месхетинское, движение советских немцев за восстановление автономии и/или за выезд в ФРГ);

в) «русская национальная правая»;

г) религиозные движения, распределенные по конфессиям;

д) ассоциации граждан, преследующие конкретные политические или социальные цели и действующие открыто. Примеры таких ассоциаций: группа «Выборы-79», Свободное межпрофессиональное объединение трудящихся (СМОТ), группа «За установление доверия между Востоком и Западом», Инициативная группа защиты прав инвалидов;

е) борьба определенных групп населения (пятидесятники, еврей-отказники) за эмиграцию из СССР.

Такого рода движения и группы М. Корти, выступая на конференции, назвал "партикулярными правозащитными движениями". С нашей точки зрения, совокупность именно этих движений плюс «чисто правозащитная деятельность», описанная в предыдущем пункте, образует достаточно компактное явление, которое и целесообразно назвать миром *диссидентства*.

Отдельного рассмотрения требуют специализированные правозащитные ассоциации, такие как Рабочая комиссия по расследованию использования психиатрии в политических целях или Фонд помощи политзаключенным и их семьям. Их деятельность коррелирует со специальной рубрикой в индексе социальных тематик. Эту рубрику следует, по-видимому, назвать «Нарушения прав человека». На самом деле и "партикулярные" движения также постоянно занимаются нарушениями прав чело-

века, но, как правило, в "своей" области. Правозащитные же организации занимаются проблемой прав человека более или менее равномерно по всему спектру социальных тематик.

Итак, понятие "диссидентство" мы предлагаем применять к объединению разнонаправленных общественных (в том числе политических), религиозных, национальных и т.п. движений и групп, использующих в своей деятельности "правозащитный" набор приемов. Из сказанного следует, в частности, что мы не согласны с применением термина "движение" по отношению к диссидентству. "Движениями" являются лишь его составляющие, само же оно представляет собой некий самодостаточный космос. Для "чисто правозащитной" работы диссидентство является контекстом.

3. Что же является контекстом для диссидентства? Если следовать нашей модели, остается рассмотреть иные, не "правозащитные" формы общественной активности и их связь с социальными тематиками. Нам представляется, что диссидентство в 1965-1983 гг. было погружено сразу в два контекста.

Первый: традиционное политическое подполье. Группы и кружки в Саратове, Рязани, Горьком, Петрозаводске, Таллине, Ленинграде, Москве. Имела место и индивидуальная подпольная деятельность, основными формами которой были листовки и лозунги на стенах, а также, судя по сводкам КГБ, такой традиционный для России жанр как анонимные письма политического содержания. Взаимопроникновение диссидентства и подполья друг в друга очевидно: очень часто листовки и лозунги подпольщиков содержали вполне диссидентские и даже правозащитные формулы. В. Иофе в своем выступлении на конференции отметил и обратное влияние: использование диссидентами подпольных (хотя и легитимных) методов работы. Пример тому — выпуск "Хроники текущих событий", издававшейся анонимно.

Второй: активность в сфере неофициальной культуры (в широком смысле этого слова: мы имеем в виду и литературу, и науку — в первую очередь гуманитарную, и

религиозное просветительство). Здесь можно вспомнить такие примеры как СМОГ* (теснейшим образом связанный с первыми эпизодами диссидентства), выставки авангардистов, Клуб самодетельной песни, альманах «Метрополь», художественный, научный, религиозный, философский сам- и тамиздат.

Оба эти контекста намного старше диссидентства: первый возник как явление еще в 1940-е, если не в 1930-е годы; взлет второго приходится на конец 1950-х — начало 1960-х годов. Нам кажется, что термин "инакомыслие" (политическое и культурное) имеет смысл сохранить именно за этим кругом явлений, по крайней мере, в том, что касается ненасильственных действий.

Отметим также, что акты протеста, сопряженные с насилием, в диссидентский период встречались крайне редко (равно, впрочем, как и в предшествующий [1956-1965 гг.]). Если же мы углубимся дальше в прошлое, то встретимся и с лагерными восстаниями, и с послевоенным национальным сопротивлением в Прибалтике и на Западной Украине.

В связи с этим представляется крайне интересным вопрос о корнях диссидентства. Поскольку, как уже утверждалось выше, диссидентский мир представлял собой сложную структуру, имеет смысл рассматривать генезис каждой его компоненты по отдельности. Как нам кажется, это сравнительно просто сделать для правозащитной составляющей диссидентства. И персональный состав участников, и прослеживание причинно-следственных цепочек приводят к мысли о том, что правозащитная активность родилась, главным образом, из культурного нон-конформизма (недаром свобода

* СМОГ ("Самое молодое общество геннеев") — нон-конформистское неофициальное объединение литературной молодежи, в основном поэтов, существовавшее в середине 1960-х годов в Москве. Составили и выпустили несколько самиздатских поэтических сборников. "Смогисты" подвергались гонениям со стороны официальных органов власти как за нерегламентированную литературную деятельность, так и в связи с участием многих из них в актах протеста против политических преследований.

творчества и свобода слова была главным тезисом, который отстаивали первые правозащитники).

С "партикулярными" диссидентскими движениями дело обстоит сложнее. Конечно, правозащитная компонента повлияла на возникновение большинства из них, однако у каждого из этих движений имеются свои корни, свои предшественники.

Но это — тема отдельных и многих исследований.